

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

УГОЛОВНАЯ ССЫЛКА И ПРОБЛЕМЫ НИЩЕНСТВА В СИБИРСКОМ ОБЩЕСТВЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Т.А. Катцина

Кафедра социальных технологий
Сибирский федеральный университет
пр-т Свободный, 79, Красноярск, Россия, 660041

В статье раскрывается влияние ссылки на развитие нищенства в Сибири, прослеживается отношение к нему населения, уделяется внимание мерам, выдвигаемым в XIX – начале XX в. местными административными и общественными организациями для искоренения или уменьшения названной формы социальной патологии. Результаты исследования создают дополнительные возможности для изучения аналогичных тем по другим регионам.

Ключевые слова: нищенство, причины нищенства, ссыльнопоселенцы, бродяжничество, призрение, социальная помощь.

Существует мнение, что наличие феномена бедности «кормит» социальную работу, не снимая ее актуальности для всех времен. Нищенство как крайняя форма проявления бедности насчитывает многовековую и незавершившуюся историю. Понятие это многоплановое, выходящее далеко за рамки констатации низкого уровня дохода. Различие между «бедными» и «нищими» находим у Ф.М. Достоевского в монологе Мармеладова: «...бедность не порок, это истина... Но нищета... нищета – порок-с. В бедности вы еще сохраняете свое благородство врожденных чувств, в нищете же никогда и никто» (1). Опираясь на многочисленные историко-социологические исследования XIX – начала XX в., авторитетный исследователь И.А. Голосенко показал, что нищие занимали последние ступеньки социальной лестницы по основным стратификационным показателям (2).

Данная статья посвящена решению ряда взаимосвязанных задач. Одна состоит в том, чтобы установить причины, масштабы и формы проявления нищенства в Сибири в XIX – начале XX в. Другая задача заключается в изучении и анализе результатов участия местных административных и общественных организаций, а также частных лиц в процессе преодоления нищенства. Рассмотрение этого вопроса неизбежно предполагает выявление отношения к нищенству местного населения и его заинтересованного участия в решении проблем наиболее беднейших жителей.

В конце XIX в. российская статистика зафиксировала 500 тыс. нищенствующих, т.е. 3,9% населения страны (3). Однако, по мнению И.В. Мещанинова, оперировавшего данными комиссии, созданной при Министерстве юстиции в 1898 г. для разработки вопроса о мерах борьбы с профессиональным нищенством и бродяжничеством, их было значительно больше.

Дореволюционные исследователи по-разному объясняли причины превращения бедняка в нищего. Так, И.Д. Мещанинов выделял общие (экономические, этнографические и бытовые условия) и частные (ссылка на поселение и административная высылка; временные народные бедствия) причины (4). Наиболее удачной представляется классификация Е.Д. Максимова. Он обозначил следующие группы причин:

1) индивидуальные (неизлечимая болезнь, умственные или физические дефекты, возрастная дряхлость и т.п.);

2) семейные (смерть одного из супругов, одиночество, слабость семьи, т.е. несоответствие между рабочей силой, способностью ее к производительному труду и числом едоков);

3) экономические (малоземелье, малая производительность земли, недостаточность развития промыслов, отсутствие сбережений, непостоянство заработка в промышленных центрах, безработица, неудачные переселения на новые места, высокие цены на аренду земли, временные народные бедствия и т.д.);

4) правовые (отсутствие беспристрастного, вне групповых интересов, органа защиты, невозможность для крестьян обратиться к кому-нибудь за помощью и советом во многих своих юридических нуждах);

5) культурно-бытовые (обычай подавать просящим милостыню, малограмотность населения и т.п.) (5). Другой крупный исследователь, А. Левенстим, определил нищенство как «болезнь физическую и социальную», а в числе причин на первом месте указал «полное отсутствие призрения» (6). В целом же в отечественной литературе сложилось мнение, что бедность и нищета определялись множественными факторами, которые по-разному сочетались, имели неодинаковый относительный вес.

В различных регионах огромной Российской Империи нищенство приобретало существенные особенности, обусловленные уровнем социально-экономического и культурного развития, религиозным и этническим соста-

вом населения. В Сибири его специфика была связана с массовой уголовной ссылкой. Численность уголовных ссыльных в XIX в. в губерниях Сибири составила 800 тыс. (включая членов семей, добровольно последовавших за сосланными) (7). Именно ссыльные образовывали основной контингент, из которого рекрутировались нищие. В Восточной Сибири по данным 1880–1890-х гг. более 50% бездомных составляли ссыльные, тогда как доля старожилов не превышала 5% (8). Большое распространение нищенство получило в Иркутской и в Тобольской губерниях, меньше было развито в Енисейской губернии (1–1,6% от численности населения) (9).

Несмотря на закон, обязывавший наделять приписанных к сельским обществам ссыльнопоселенцев землей, сибирские крестьяне предпочитали выдавать им билет на право отлучки и небольшую сумму денег от 3 до 5 руб., лишь бы избавиться от нежелательного соседства (10). Но даже те, кто оставался на местах приписки и получал надел, не могли вести самостоятельное хозяйство. Неполноправное положение, в которое попадали поселенцы на месте приписки, создавало возможности для их эксплуатации со стороны зажиточных крестьян-старожилов, купцов и владельцев золотых приисков. Не спасала положение и возможность получить экономическую поддержку из специального заемного капитала ссыльнопоселенцев Восточной Сибири, утвержденного 27 августа 1825 г. Сибирским комитетом и сформировавшегося от продажи имущества умерших поселенцев.

У значительной части ссыльных отсутствовала мотивация к не только земледельческому, но и любому другому труду вообще. Главным занятием ссыльнопоселенцев становились грабежи, конокрадство, изготовление фальшивых денег. Это принимало такие масштабы, что ни сельское общество, ни власть не могли справиться с засильем криминальных элементов, и местное население вынуждено было подчиняться устанавливаемому ими диктату.

Так, известный польский революционер В. Сорошевский, отбывавший ссылку в Якутии, приводил такой случай, когда в Якутском уезде одноименной области бывалые и бойкие поселенцы, застрадав местное население, получили не только полный земельный надел, но и довольно значительное содержание (от 3 руб. 30 коп. до 9 руб. 55 коп. на душу ежемесячно). «Поселенец такой живет настоящим «барином» на взгляд содержащей его инородческой, вечно голодной нищеты. Он мало работает и требует себе почета от людей, насчет которых кормится... Якуты боятся и ненавидят «посельщиков», сознают вредное их влияние на своих сородичей, у которых последние учатся организованному воровству и разбоям...» (11).

В определенной мере задачу привлечения поселенцев к труду выполняли работные дома, открывшиеся не ранее 1828 г. при Иркутском и Красноярском приказах общественного призрения. Архивные документы свидетельствуют, что в Иркутский работный дом попадали лица, осужденные за бродяжничество.

Согласно именному списку работников, при ремесленном доме содержалось 44 мужчины, а вместе с женами и детьми 71 чел. (12). Труд их использовался для потребностей суконной фабрики, производства столярных, оконных, медных, кузнечных и слесарных работ (13). Красноярский ремесленный дом разделялся на 7 отделений: плотников и столяров; каменщиков, кузнецов и слесарей; медников и серебряников; кожевников и шорников; маляров; чернорабочих. «В сем ремесленном доме, – писал енисейский губернатор А.П. Степанов, – делают уже не только прекрасные мебели, но даже дрожки» (14). Ссылные могли находиться в рабочих домах до 6 лет. Из их заработка производились вычеты: 2% в экономическую сумму, часть – на покрытие расходов, часть – на содержание специальной конторы, распределявшей работы и заведовавшей денежными средствами. Остаток заработка поступал в артельную сумму работников (15). В 1853 г. постановлением Сибирского комитета рабочие дома были закрыты, как не приносящие пользы.

Наиболее распространенной формой нищенства в Сибири являлось бродяжничество. По преступлениям ссылаемые за бродяжничество составляли главный контингент ссылки (2/3 всего числа уголовных ссыльных) (16). Как не печальна и не бедственна была жизнь нищих-бродяг, однако ни сибирский мороз, ни голод не останавливали их от побегов. «Всего печальнее, – констатировал Н.М. Ядринцев, – что нищенствует народ сильный и физически способный к труду» (17). Современники справедливо нарекали бродяжничество «бичом Сибири», но между тем указывали на сочувственное отношение местного крестьянства к ссыльным и бродягам (18). Для бродяг в Забайкалье существовал обычай оставлять омулей, в Иркутской губернии – хлебные и мясные припасы на заимках, на Барабе, – молоко и хлеб около изб (19). А.Ф. Селиванов высказал мнение, что делалось это для того, чтобы не заставлять бродяг «унижаться и просить пропитание» (20). Возможно, население руководствовалось еще и желанием оградить свое имущество от воровства, опасением мести со стороны бродяг (поджог имущества и пр.).

Так или иначе, сибирское крестьянство постоянно «подкармливало» от 30 до 40 тыс. «непроизводительного и бесполезного народа» (21). Сколько же расходовалось на это средств? По некоторым данным, состоятельный российский крестьянин на подаяние бедным деньгами, хлебом и т.п. тратил из своего годового бюджета 2,5–4 руб. (22), каждый губернский город Сибири уплачивал нищим 8000 руб. милостыни, вся же Сибирь – 2 960 000 руб. ежегодно (23).

Следует учитывать, что на места поселения многие ссыльные приходили без средств к существованию, истомленные, сломленные не только морально, но часто и физически. На начало XX в. доля не способных к физическому труду, увечных и немощных от старости была 42,4% (24).

Ссылным, признанным не способными к физическому труду, назначалось из экономического поселенческого капитала ежегодное пособие в раз-

мере 19 руб. 13 коп., часто служившее единственным источником существования (25). Поселенческий капитал находится в бесконтрольном чиновничьем распоряжении. Только в Енисейской губернии из-за недостатка сумм осталось не выданным пособия за 1901 г. – до 3000 руб., за 1902 г. – до 8000 руб., за 1903 г. – до 8000 руб. (26). По данным И. П. Павловой, некоторым ссыльным пособие не выплачивалось с 1906 г. по 1915 г. (27).

Одним из способов призрения не способных и не могущих обходиться без посторонней помощи ссыльнопоселенцев, не приписанных к податным обществам с согласия последних, должны были послужить богадельни. Они создавались как частными лицами, так и общественными организациями.

Содержание и устройство ссыльнопоселенцев тяжелым бременем ложилось на крестьянские или инородческие общества, к которым их причисляли. В некоторых сибирских деревнях для приходящих поселенцев строили или отводили особые избы, которые частично или полностью содержались на средства волостного общества или отдельных лиц (попечителей) (28). Здесь призревались лица обоего пола, находили приют и крестьяне, утратившие родственников и способность самостоятельно решать проблемы своего жизнеобеспечения. Заведения этого типа имели название богаделен, условное в ряде случаев. В 1871 г. енисейский губернатор А.Д. Лохвицкий так охарактеризовал подведомственные ему учреждения: «Богадельни в округах даже и не должны называться этим именем, так как живущие в них пользуются только помещением; одежду и пищу получают от подаяний, весьма скудных, и сами помещения почти не поддерживаются» (29). В неурожайные годы крестьяне сами оказывались в бедственном положении, что вынуждало их отказываться от попечения нуждающихся (30).

Иной порядок содержания благотворительных учреждений для ссыльных сложился в Томской губернии. Здесь в конце XIX в. насчитывалось шесть сельских богаделен, рассчитанных на 150 мужчин и 38 женщин. Финансирование богаделен осуществлялось на проценты с капитала, образовавшегося из платы по 1 руб. 50 коп., взимаемой с золотопромышленников при найме поселенцев на приисковые работы, и по 1 руб. для устройства оседлости поселенцев, 15 коп. сбора, взимаемого с каждого поселенца, и с продажи имений, оставшихся после смерти ссыльных (31).

Богадельни для ссыльнопоселенцев, находившиеся на содержании тюремного ведомства, существовали в Тобольске и на о-ве Сахалин. Численность призреваемых в них колебалась от 20 до 98 чел. (32). В 1879 г. иркутский генерал-губернатор сделал запрос об отпуске 2888 руб. на устройство помещений для дряхлых и не способных к работам ссыльнокаторжных, находившихся при Иркутском тюремном замке. Здесь скопилось большое число нетрудоспособных ссыльных и ожидалось прибытие еще 600 чел. Министерство финансов выделило требуемую сумму, но эта была разовая мера. В 1892 г. вопрос о призрении нетрудоспособных ссыльных был поставлен и

енисейским губернатором (33). Численность богаделен была явно недостаточна для помещения в них всех нуждающихся. Только в Енисейской губернии в середине 1904 г. в помощи нуждались 833 ссыльнопоселенца. В единственной богадельне общественного призрения, устроенной в Красноярске на 22 кровати, призревало 14 ссыльнопоселенцев. Сумма, исчисляемая на содержание одного призреваемого, колебалась между 77 и 95 руб. в год (34).

Естественно, что заведения общественного призрения предъявляли требования к возмещению им из казны расходов на содержание в богадельнях ссыльных. Переписка благотворительных заведений с тюремным ведомством по этому вопросу длилась годами. И.П. Павлова обратила внимание, что в § 2 ст. 24 Установления о ссыльных 1909 г. не содержалось указания, за какой счет ссыльные, ставшие бродягами, должны содержаться. Тюремное ведомство считало, что призрение этих лиц должно быть отнесено на средства благотворительных заведений. Начальник тюремного ведомства отвечал в декабре 1911 г. иркутскому и енисейскому губернаторам, что государственное ассигнование производится лишь на лечение, но не на призрение ссыльных (35).

В 1891 г. по почину княгини М.А. Барятинской, баронессы С.А. Корф и др. было учреждено Общество попечения о ссыльнокааторжных, а позднее образованы его особые Забайкальское и Сахалинское отделения. Общество снабжало следующих за ссыльными женщин и детей деньгами и одеждой, устроило для детей приют, для женщин работный дом-убежище с яслями при нем (36).

Прекращение уголовной ссылки в Сибирь на основании Закона от 12 июня 1900 г. хотя и избавило регион от массового наплыва уголовного элемента, но ряды нищих стали пополняться переселенцами, приток которых особенно возрос в годы столыпинской аграрной реформы. Историки приводят массу примеров, иллюстрирующих бедственное положение переселенцев: голод, неустроенность, эпидемические заболевания, скопление в городах огромных масс бродячего, бесприютного люда (37). Это активизировало проблему организации социальной помощи в Сибири. В городах стали появляться ночлежные дома, заведения дешевого питания, дома трудолюбия.

Благотворительные учреждения, где оказывалось постоянное попечение нуждающимся, открывались в связи с острой необходимостью для города и, как правило, по инициативе частных лиц или сословных организаций. По данным Г.Н. Ульяновой, в 1909 г. доля расходов городов на общественное призрение составляла в бюджете в среднем 3,6% (38). В сибирских городах, по нашим подсчетам, эта цифра была значительно меньше, например, в Красноярске 0,3% (39). Поэтому главными источниками удовлетворения нужд беднейших жителей сибирских городов становились средства, полученные с пожертвованных благотворителями капиталов. Так, в Иркутске на общественное призрение и благотворительность в 1907 г. израсходовали 23 877 руб., из них чисто городских – всего 4214 руб., что составило 18%; расходы же в остальной части покрыли за счет благотворительных капиталов (40).

К сожалению, мы не располагаем точными данными о времени создания благотворительных капиталов. Предположительно, в губернских городах Западной и Восточной Сибири этот процесс начался в 1860–1870 гг. По размеру благотворительного капитала в 6 млн руб. в сибирском регионе лидировал Иркутск, занимавший здесь первое место по своему торговому положению и переживший в пореформенное десятилетие расцвет золотопромышленности (41). Для сравнения: благотворительный капитал Иркутска в 13 раз превышал аналогичный капитал Красноярска.

Еще хуже обстояло дело в уездных городах. Так, по материалам Енисейской губернии нами подсчитано, что в 1907 г. благотворительный капитал Красноярска превышал в 636 раз одноименный капитал Канска, в 80 раз – Енисейска, в 21 раз – Минусинска и в 17 раз – Ачинска (42).

Основной объем попечительской работы проводился благотворительными обществами. Так, Тобольским попечительным обществом о бедных в 1880–1890-х гг. были открыты дешевая столовая, бесплатная квартира для одиноких бедных и престарелых женщин; в Томске на средства местного благотворительного общества – ночлежный дом и дешевые квартиры. В Красноярске Синельниковское общество благотворителей и попечителей сирот содержало приют-убежище для детей, столовую и чайную для бедных, дом трудолюбия с конторой труда, ночлежный дом; Иркутское благотворительное общество, – дешевую столовую, швейную мастерскую. И это далеко не полный перечень обществ, ставивших своими целями развитие мер к прекращению нищенства, облегчение участи жителей, случайно впавших в нужду.

В 1899 г. Министерство внутренних дел на основании опыта Москвы выпустило циркуляр о том, что при городских управах должны создаваться участковые попечительства о бедных, нацеленные на организованную борьбу с бедностью и нищетой. Работа их основывалась на индивидуализации помощи, которая проявлялась в том, что попечение о каждом бедном поручалось особому лицу (попечителю), а сама помощь оказывалась «соразмерно со свойствами и потребностями» нуждающегося.

Примером для деятелей попечения служила так называемая «эльберфельдская система» (по названию фабричного города Германии, где она зародилась в 1853 г.). Процесс образования участковых попечительств в Сибири пришелся лишь на начало XX в. Так, Томская городская дума, прежде чем приступить к организационной работе, постановила в 1899 г. предварительно ознакомиться с существующими в городе церковно-приходскими попечительствами и частными благотворительными учреждениями, направив им соответствующие запросы, а затем «решила терпеливо ждать и ждала до 1909 г.» (43). Между тем томский санитарный врач К.М. Гречищев констатировал: «Нищенство в Томске, выражающееся просьбой о милостыни по улицам города, поражает прохожих и своим количеством и качеством, и нередко нахальством» (44). Лишь в декабре 1910 г. начала свою работу томская

городская благотворительная организация в составе девяти попечительств, объединяемых исполнительной по благотворительности комиссией (45).

В Красноярске вообще не смогли создать участковые попечительства «из-за большого распространения среди населения обычая подавать милостыню» (46).

В Иркутске решили не дробить город на отдельные участки, а сосредоточить всю попечительскую работу в благотворительной комиссии под председательством городского головы. Ее работу современник оценил как «обидную карикатуру» на эльберфельдскую систему, указав, что почти никакой проверки, никакого знакомства с материальным положением просителей там не производилось (47).

В современной научной литературе вопрос о результативности деятельности попечительств о бедных поставила А. Линденмейер. Анализируя московский опыт попечительств, она пришла к выводу, что эти организации не смогли выполнить «свою амбициозную роль по устранению бедности городского населения», во-первых, потому, что были созданы лишь в 28 из 40 городских полицейских округов; во-вторых, не везде им удалось наладить оказание медицинской и юридической помощи, открыть посреднические конторы по трудоустройству нуждающихся. Как положительный результат американская исследовательница отметила получение информации об уровне жизни нижних городских слоев и привлечение к их проблеме внимания местной общественности (48).

Нам представляется, что определенные сложности в развитии участковых попечительств о бедных в Сибири вызывало и то, что личные интересы состоятельных граждан, входивших в состав органов городского самоуправления, мало способствовали их широкому участию в решении проблем жизнеобеспечения многочисленных беднейших слоев населения.

В.И. Федорова в коллективном исследовании по истории Красноярска пореформенного периода отмечает, что «отцы города», выбиравшиеся в основном из купечества, весьма инертно относились к выполнению своих общественных обязанностей, рассматривая выборные должности как дополнительный источник наживы. Скандальная их известность, склонность к финансовым авантюрам, неспособность к широким общественным начинаниям имела своим результатом неизбежное расстройство городского бюджета и внутреннего порядка (49).

Традиционный для Сибири купеческий состав дум часто определял их общественную позицию. Исключением являлась «интеллигентная» Томская городская дума, где большой процент среди гласных составляли доценты или профессора местного университета и технологического института (50). Это объясняет содействие города обществам и учреждениям, работающим в социальной сфере. В то же время среди думских деятелей других сибирских городов встречались люди активного гражданского темперамента и передовых общественных позиций, заинтересованные в прогрессивных преобразо-

ваниях городской жизни (А.С. Суханов в Тобольске, С.В. Востротин в Енисейске, Н.А. Шепетковский в Красноярске, В.П. Сукачев в Иркутске и др.).

Подведем в заключение краткие итоги исследования вопроса уголовной ссылки и явления нищенства в сибирском обществе в XIX – начале XX в.

1. Нарастание потока ссыльных на протяжении всего XIX в. породило в сибирском крае значительные трудности в их размещении и управлении, регионально раздвинуло границы нищенства, исторически концентрировавшегося в центральных губерниях России. Благодаря уголовной ссылке в Сибири, практически не знавшей помещичьего землевладения, нищенство было развито сильно. В конце XIX – начале XX в. нищие стали рекрутироваться и из переселенцев.

2. Рост числа ссыльных, бродяг и беглых, а также причисление ссыльнопоселенцев в казенные селения нарушали сложившиеся в сибирском обществе традиции и порядки. Несмотря на сочувственное отношение сибирского населения к ссыльным, лишь немногие из них смогли интегрироваться в местное общество.

3. Основными причинами нищенства являлись экономические, которые сложно переплетались с причинами индивидуально-личностными, семейными, правовыми, культурно-бытовыми.

4. Решение проблемы нищенства в сибирском обществе XIX – начала XX в. определялось двумя противоречивыми тенденциями: во-первых, сохранением среди населения обычая подавать милостыню; во-вторых, становлением организованной помощи нуждающимся со стороны государственных, местных административных и общественных организаций.

5. Организационные формы социального попечения стали оформляться в Сибири в конце XVIII в. и создавались по мозаичному принципу. В пореформенное время здесь, как и по стране в целом, произошел рост числа благотворительных общественных организаций, оказывавших комплексную помощь нуждающимся и заполнивших многие образующиеся лакуны в социокультурном пространстве. В 1890-е гг. обозначилась консолидация усилий общественности в лице органов городского самоуправления и общественных формирований.

6. Нехватка материальных и людских ресурсов, отсутствие достаточной школы «общественной жизни», ограниченность действий большинства обществ узкой территорией, а также непопулярность самой идеи организованной помощи среди местного населения создавали серьезные препятствия в развитии мер предупреждения и искоренения нищенства в изучаемом регионе.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Достоевский Ф.М.* Преступление и наказание. Роман в шести частях с эпилогом. – М., 1971. – С. 49.
- (2) *Голосенко И.А.* Нищенство как социальная проблема (Из истории дореволюционной социологии бедности) // Социологические исследования. – 1996. – № 7. – С. 30–31.
- (3) Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 6787. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 88 об.
- (4) *Мещанинов И.В.* О нищенстве в России и о способах борьбы с этим явлением // Труды Первого съезда русских деятелей по общественному и частному призрению. 8–10 марта 1910 г. – СПб., 1910. – С. 412.
- (5) *Максимов Е.* Происхождение нищенства и меры борьбы с ним // Вестник благотворительности. – 1900. – № 12. – С. 17–38.
- (6) *Левенстим А.* Профессиональное нищенство, его причины и форма: Бытовые очерки. – СПб., 1899 // Антология социальной работы: В 5 т. – М., 1995. – Т. 2: Феноменология социальной патологии / Сост. М.В. Фирсов. – С. 35.
- (7) *Дамешек Л.М., Зиновьев В.П. и др.* Сибирь в составе Российской империи / Отв. ред. А.В. Ремнев. – М., 2007. – С. 278.
- (8) Там же. – С. 282.
- (9) *Мещанинов И.В.* О нищенстве в России ... – С. 413; *Левенстим А.* Профессиональное нищенство ... – С. 36; *Голосенко И.А.* Нищенство в России (Из истории дореволюционной социологии бедности) // Социологические исследования. – 1996. – № 8. – С. 20.
- (10) *Серошевский В.* Ссылка и каторга в Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды. – СПб., 1908. – С. 226.
- (11) Там же. – С. 221–222.
- (12) Государственный архив Иркутской области (ГАИО). – Ф. 33. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 46 об., 425.
- (13) ГАИО. – Ф. 32. – Оп. 9. – Д. 1. – Л. 87, 89–90.
- (14) *Степанов А.П.* Енисейская губерния. – Красноярск, 1997. – С. 63.
- (15) *Щеглов И.В.* Хронологический перечень важнейших данных по истории Сибири: 1032–1882 гг. – Сургут, 1993. – С. 264.
- (16) *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия. Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. – СПб., 1882. – С. 178.
- (17) *Семилужинский Л. (Ядринцев Н.М.)* Бродячее население Сибири // Антология социальной работы: В 5 т. – М., 1995. – Т. 2: Феноменология социальной патологии / Сост. М.В. Фирсов. – С. 24.
- (18) Краевое государственное бюджетное учреждение «Государственный архив Красноярского края» (КГБУ ГАКК). – Ф. 817. – Оп. 1. – Д. 280. – Л. 37; Статистическое обозрение Сибири, составленное на основании сведений, почерпнутых из актов правительства и достоверных источников. – СПб., 1810. – С. 88.
- (19) *Семилужинский Л. (Ядринцев Н.М.)* Бродячее население Сибири... – С. 23–24.
- (20) *Селиванов А.Ф.* Современное положение русской благотворительности // Труды Первого съезда русских деятелей по общественному и частному призрению. 8–13 марта 1910 г. – СПб., 1910. – С. 305.
- (21) *Серошевский В.* Ссылка и каторга в Сибири... – С. 226; *Семилужинский Л. (Ядринцев Н.М.)* Бродячее население Сибири... – С. 24.
- (22) Труды съезда по общественному призрению, созванного Министерством внутренних дел. 11–16 мая 1914 г. – Пг., 1914. – Т. II: Материалы. – С. 426–427.

- (23) *Серошевский В.* Ссылка и каторга в Сибири... – С. 226.
- (24) Там же; *Ядринцев Н. М.* Сибирь как колония... – С. 173.
- (25) КГБУ ГАКК. – Ф. 595. – Оп. 1. – Д. 5723. – Л. 25 об., 63, 68.
- (26) Благотворительность и социальное попечение в Енисейской губернии (1822–1917 гг.): Сб. док-тов / Отв. ред. Т.А. Катцина; отв. сост. Т.А. Катцина, Е.А. Иванова. – Красноярск, 2009. – С. 55.
- (27) *Павлова И.П.* Социальное попечение в России в конце XIX – начале XX века. – Красноярск, 2003. – С. 60.
- (28) *Максимов Е.* Происхождение нищенства и меры борьбы с ним // Вестник благотворительности. – 1900. – № 12. – С. 23–24; *Ядринцев Н.М.* Ссылка и ссылки в Сибири // Живописная Россия. – 1885. – № 1–6. – С. 253–254; КГБУ ГАКК. – Ф. 595. – Оп. 1. – Д. 4389. – Л. 10.
- (29) КГБУ ГАКК. – Ф. 161. – Оп. 2. – Д. 609. – Л. 33 об.
- (30) Там же. – Ф. 674. – Оп. 1. – Д. 7430. – Л. 14; Ф. 595. – Оп. 48. – Д. 955. – Л. 177, 186.
- (31) Благотворительные учреждения Томской губернии (очерк) / Сост. С. Соболев. – Томск, 1895. – С. 70.
- (32) Памятная книжка Тобольской губернии на 1907 г. – Тобольск, 1907. – С. 34; *Павлова И.П.* Социальное попечение... – С. 60.
- (33) *Павлова И.П.* Социальное попечение... – С. 59.
- (34) Благотворительность и социальное попечение в Енисейской губернии... – С. 55.
- (35) *Павлова И.П.* Социальное попечение. – С. 59.
- (36) КГБУ ГАКК. – Ф. 161. – Оп. 2. – Д. 445. – Л. 193, 194.
- (37) *Андюсов Б.Е.* Сибирское краеведение: Учеб. пособ. для уч-ся и ст-ов: РИО КГПУ. – Красноярск, 1999. – С. 27; *Мешалкин П.Н.* Меценатство и благотворительность сибирских купцов-предпринимателей (вторая половина XIX – начало XX в.) – Красноярск, 1995. – С. 123–126.
- (38) *Ульянова Г.Н.* Законодательство о благотворительности в России (конец XVIII – начало XX в.) // Отечественная история. – 2005. – № 6. – С. 17.
- (39) *Катцина Т.А.* Государственно-общественные институты социального попечения в Восточной Сибири (XIX – начало XX в.) // Ученые записки РГСУ. – 2009. – № 3. – С. 99.
- (40) *Катцина Т.А.* Государственно-общественные институты социального попечения в Восточной Сибири (XIX – начало XX в.)... – С. 99.
- (41) *Сукачев В.Б.* Иркутск. Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири. – М., 1891. – С. 119–120.
- (42) *Катцина Т.А.* Социальное попечение в первой четверти XX века (на материалах Енисейской губернии) // Журнал исследований социальной политики. – 2005. – Т. 3. – № 2. – С. 261.
- (43) *Дагаев Ив.* Попечительства о бедных в Томске // Трудовая помощь. – 1914. – № 6. – С. 38.
- (44) *Гречищев К.М.* Гор. Томск во врачебно-санитарном отношении. – Томск, 1906. – С. 22.
- (45) *Дагаев Ив.* Попечительства о бедных в Томске... – С. 39.
- (46) Отчет Красноярского Синельниковского общества благотворителей и попечения сирот за 1890 г. – Красноярск, 1891. – С. 20.
- (47) *Добронравов Н.* Общественное призрение и благотворительность в Иркутске // Трудовая помощь. – 1911. – № 3. – С. 251.

- (48) *Lindenmeyr A.* Russian Experiment in Voluntarism: The Municipal Guardianships of the Poor, 1894–1914 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge.* – В. 30. – 1982. – Wiesbaden. – S. 449–451.
- (49) *Федорова В.И., Быконя Г.Ф., Бердников Л.П.* Красноярск в дореволюционном прошлом (XVII–XIX века). – Красноярск, 1990. – С. 197–198.
- (50) История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX века / Анкушева К.А., Бочанова Г.А., Дегальцева Е.А. и др. – Новосибирск, 2006. – С. 130.

CRIMINAL EXILE AND PROBLEMS OF BEGGARY IN SIBERIAN SOCIETY IN 19TH – EARLY 20TH CENTURY

T.A. Kattsina

Department of social technologies
Siberian federal university
Svobodniy Pr-t, 79, Krasnoyarsk, Russia, 660041

The author of the article reveals the influence of exiles on development of beggary in Siberia, follows attitude of population to exiles, pays attention to measures taken in the 19th – the beginning of the 20th century by local administration and social organization for extermination or diminution of the above mentioned kind of social pathology. The results of the research give additional opportunities for studies of topics of a similar nature in other regions.

Key words: beggary, reasons for beggary, exiles, vagrancy, charity, public assistance.